

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЦИКЛ «МАЛЕНЬКИХ ПОЭМ» С. ЕСЕНИНА В КОНТЕКСТЕ УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ НАЧАЛА XX В.

Г.Д. Суслопарова

Кафедра истории русской литературы XX века
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус,
Москва, ГСП-1, Россия, 119991

В статье рассматривается цикл «маленьких поэм» С. Есенина 1917—1918 гг. Особое внимание уделяется связям цикла с утопическими проектами начала XX в., а также с философскими системами таких авторов, как Т. Карлейль и Р. Штейнер.

Ключевые слова: С. Есенин, утопия, цикл «маленьких поэм» С. Есенина, скифство.

Цикл «маленьких поэм» С. Есенина включает 11 произведений, написанных в 1917—1918 гг.: «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Сельский часослов», «Инония», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор». Их анализу посвящены работы таких авторов, как Е.Р. Арензон, А. Бахрах, Вяч. Завалишин, Н.В. Михаленко, А.А. Никольский, С.Г. Семёнова, М.В. Скороходов, Н.М. Солнцева, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева и др.

Об отношении новокрестьянских поэтов к революции как предвестнику скорого осуществления самых смелых чаяний, своего рода утопической эйфории писала Н.М. Солнцева: «Купница пребывала в некоторой эйфории: *крестьянский рай не за горами*» [12. С. 150]. Новокрестьяне видели в революционных событиях знак приближения и осуществления их утопии, причем утопии не столько общественно-политической, сколько мистической. Эти идеи во многом были связаны с творчеством английского философа Т. Карлейля, в работах которого развиваются утопические представления о социализме, гегемоном которого становился крестьянин, зарабатывающий тяжелым трудом на самые необходимые нужды и сохранивший благодаря этому истинную святость.

Возможно, что Есенин познакомился с трудами Карлейля через Н. Клюева или через партию эсеров, в которой он состоял. В.М. Яковенко отмечает, что Карлейль нашел увлеченных читателей в лице русских либеральных народников, легальных марксистов, кадетов и эсеров [16. С. 2].

Труд в философских установках Карлейля становится центральной категорией, он пишет о сакральной основе труда: «В сущности говоря, мы совершенно согласны со старинными монахами: *трудиться — значит молиться*» [5. С. 46]. Далее он замечает: «Во всяком случае, тот, кто хочет честно трудиться, должен глубоко верить» [5. С. 96].

Утопические надежды Карлейля связаны со свержением аристократических слоев общества, а также с установлением честной и адекватной оплаты труда каждого: «"Ты не должен красть, тебя не должны обкрадывать" — Какое это было бы общество! Республика Платона и утопия Мора — только бледные изображения его. Дай каждому человеку точную цену за то, что он сделал. Тогда никто не будет больше жаловаться, и страдание будет удалено от мира» [5. С. 330].

Мотив труда ради насущного хлеба, который рассматривался как духовная категория в трудах английского философа, получил свое развитие в «Товарище» Есенина. Действующие лица поэмы — Иисус и Мартин — сражаются не за «Равенство и братство», а за «Волю, равенство и *труд*». Не случайными представляются и строки: «И глухо дрожал его шербатый нож / Над черствой горбушкой *насущной пищи*» [4. Т. 2. С. 31]. У Карлейля мы читаем: «Ты исполняешь долг свой, хотя бы другие его и не исполняли, ты трудишься ради необходимого, *ради насущного хлеба*... Ты должен трудиться для удовлетворения самых низменных человеческих потребностей» [5. С. 76].

Итак, именно крестьянину-святому предстоит, по Карлейлю, привести общество в новый Назарет: «Я не знаю ничего возвышеннее в этом мире Крестьянина-святого, если только таковой теперь еще может быть где-нибудь встречен. Такой человек приведет тебя назад в самый Назарет» [4. С. 14].

Назарет, с точки зрения исследователей, оказывается центральной категорией для Есенина в рассматриваемый нами период. Например, в «Певущем зове» пламя, которое осветит миру новый Назарет, рождается в мужичьих яслях: «В мужичьих яслях / Родилось пламя / К миру всего мира! / Новый Назарет / Перед вами» [4. Т. 2. С. 26]. Этот же мотив появляется и в «Инонии»: «Радуйся, Сионе, / Проливай свой свет! / Новый в небосклоне / Вызрел Назарет» [4. Т. 2. С. 68].

В конечном итоге философ приходит в своих работах к тому, что утверждает превосходство среди всех других классов, во-первых, «измученного трудом Ремесленника», а во-вторых, «Крестьянина-святого» [5. С. 44]. Он противопоставляет занятые тяжелым физическим трудом слои общества мещанству, которое «Набивает брюхо лакомыми кусками» [5. С. 44] и ведет праздный образ жизни. В результате он высказывает мысль, которая окажется в центре напряженной рефлексии интеллигенции начала XX в., а именно о вине аристократии перед народом: «Тяжело обремененный брат! Из-за нас так гнулась спина твоя, из-за нас твои прямые члены так изуродованы... И в тебе заключался созданный Богом образ, но ему не суждено было развернуться» [5. С. 73—74].

Известен факт, что на творчество Есенина оказали влияние идеи Р. Штейнера, чьи сочинения находились в его личной библиотеке. Увлеченному идеей богоизбранности России, ее особой миссии Есенину не могли не показаться близкими лекции Штейнера «О России», где высказаны схожие представления теософа о мессианской роли русского народа. Он писал: «Если посмотреть на настоящий

русский народ, а не на то изолгавшееся общество, которое управляет ныне русским народом, то станет ясно, что русская душа необычайно одарена, она одарена как бы во всех отношениях» [15. С. 127].

Утопические устремления обоих авторов напрямую связаны с фигурой Христа и идеей голгофизма, т.е. искупительной жертвы, необходимой для духовного преображения. Штейнер пишет: «Созерцание смерти на Голгофе должно становиться для человечества исходным пунктом все новых жизненных сил» [15. С. 22].

Есенин использует эту идею, и именно Христос становится ключевой фигурой его маленьких поэм. В «Товарище» Христос спускается на землю, чтобы принять участие в революционной борьбе, и его гибель необходима для надежды на обновление. В «Инонии» рождение Иисуса предшествует приходу нового Назарета: «Кто-то вывел гуся / Из яйца звезды — / Светлого Иисуса / Проклевать следы» [4. Т. 2. С. 68].

В «Пришествии» идея «прозревшей России» также связана с рождением Христа «под снежною ивой»:

По тебе молюсь я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несет свой крест. [4. Т. 2. С. 46]

...

Возри же на нивы,
На сжатый овес, —
Под снежною ивой
Упал твой Христос! [4. Т. 2. С. 47]

Таким образом, осуществление штейнеровской идеи об «импульсе Христа», т.е. той искупительной жертве, благодаря которой на земле возможен приход новой счастливой эры, оказывается в центре есенинского цикла. Как мы отметили выше, Штейнеру принадлежат высказывания об «одаренной российской душе», о том, что русский менталитет во многом несет на себе отпечаток того факта, что Россия являлась по преимуществу аграрной страной. Именно поэтому русский народ оказывается носителем духовной миссии среди других европейских народов. Россию ждет особый путь, не связанный ни с Западом, ни с Востоком. Возможно, что Есенин опирался на эти идеи в развитии утопии, реализованной именно на национальной почве. Об этом типе утопии писала Н.М. Солнцева, рассматривая маленькие поэмы: «Есенин — утопист... вся его творческая энергия сосредоточилась на идее России-Инонии, на иной Руси» [13. С. 21]. Об этом говорят и строки его ранней лирики, в которых родина рассматривается в качестве утопии: «Если крикнет рать святая: / „Кинь ты Русь, живи в раю!“ — / Я скажу: „Не надо рая, / Дайте родину мою“» [4. Т. 2. С. 51]. В «маленьких поэмах» она получает дальнейшее развитие: «Осанна в вышних! / Холмы поют про рай. / И в том раю я вижу / Тебя, мой отчий край» [4. Т. 2. С. 44]. В «Преображении» народ предстает как «ловец вселенной», в «Отчаре» речь об обновлении «буйственной Руси» и мужика: «Здравствуй, обновленный / Отчарь мой, мужик!» [4. Т. 2. С. 35]. В целом, мотив Руси-рая становится сквозным для «Пришествия»: «Господи, я верую!.. / Но введи в свой

рай / Дождевыми стрелами / Мой пронзенный край» [4. Т. 2. С. 46] и «Преображения»: «Перед воротами в рай Я стучусь: / Звездами спеленай / Телицу-Русь» [4. Т. 2. С. 52].

Говорить о развитии утопического проекта в творчестве Есенина, связанного в первую очередь с национальной почвой, нам позволяет тот факт, что он являлся уникальным даже внутри новокрестьянского движения. Например, Клюев, который также как и Есенин, широко опирался в своих утопических представлениях на русское крестьянство, был намного больше склонен к универсализму, к евразийству.

И.И. Могилёва справедливо отмечает, что в отличие от многих утопических проектов того времени Есенин «стремился выразить крестьянскую религиозную утопию, помещая ее не в трансцендентном мире, а в мире природы, визуально, чувственно доступной сейчас» [8. С. 37]. В данном случае подчеркивается именно русская природа и сакральная связь с ней крестьянина. В творчестве Есенина мы видим не просто желание изобразить идеальное общество, а более конкретное представление о Царстве Божьем, которое должно реализоваться в реально существующей России. Генетически эти представления связаны с утопическими проектами славянофильства. В их представлении вера с течением времени все больше срасталась с идеей мессионизма России, «Россия стала рассматриваться как хранительница истинной веры» [9. С. 37]. На этом основании национальная утопия противопоставляется, например, технократическому американскому обществу:

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек! [4. Т. 2. С. 65].

Общим для Есенина и Штейнера является и мистическая трактовка революционных событий. Например, Штейнер видит в русских революционных деятелях мистическое начало: «Представьте себе развитие Ленина и Троцкого при ином социальном строе. Чем, может быть, стали бы они, если бы развивали свои духовные силы совершенно иначе? — Глубокими мистиками» [15. С. 288].

Идея соединения в одном действующем лице бойца революции и Христа в «Товарище», возможно, имеет свои корни в этих представлениях. Антропософ писал: «Понятие Христа, хотя оно выработано не в духовно научной области, но понимается как живая субстанция, которая подобно духовной личности должна работать во всей государственной и социальной жизни» [15. С. 165].

Описание революционных событий сквозь призму библейской образности, стержневой сюжет о священной искупительной жертве, эсхатологизм, сменяющийся ожиданием установления рая на земле, как не раз отмечалось исследователями, имеют свои корни и в библейских преданиях. Н.В. Михаленко писала: «Особенно важной, значимой в библейских поэмах выступает тема Второго прише-

ствия, тема “Русского Христа”, что делает революционные события знаковым, глубоко символичными» [7. С. 78]. Данная тема разворачивается Есениным в утопической парадигме. Например, в «Товарище» он предпринимает попытку представить революционные события как аналог второго пришествия. Он изображает бедствия и катаклизмы, которые, как сказано в Ветхом Завете, предшествуют второму явлению Христа:

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

...

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...
[4. Т. 2. С. 231].

Сожествие с иконы Христа и участие в революционной битве заканчивается его гибелью. Однако логическим продолжением божественной жертвы становится не Воскресение, а Республика, которая, если рассматривать поэму в русле аналогии пророчества о втором пришествии, является аллегорией Царства Божия на земле:

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело его предали погребенью
Он лежит
На Марсовом
Поле.

...

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Пре-эс-пуу-ублика!»
[4. Т. 2. С. 34].

Другим важным источником эсхатологической образности стало течение внутри интеллигенции начала XX в. — «Скифство». Вдохновителем движения был Р.В. Разумник, однако кроме него идеи об общности славянских корней и кочевых скифских народов, описанных в трудах Геродота, разделяли многие писатели и мыслители того времени, принадлежавшие к различным литературным и политическим лагерям. К «скифам» принадлежали А. Блок, А. Белый, новокрестьянские поэты, Л. Шестов, Е. Замятин, А. Ремизов и некоторые другие.

Скифское племя было не случайно выбрано вдохновителем движения Ивановым-Разумником в качестве основания для своих идей. Одной из важнейших для него являлась идея противопоставления варварского племени скифов эллинской цивилизации. После появления таких работ, как «Так говорил Заратустра» (1885) Ф. Ницше, «Закат Европы» (1918) Шпенглера и др., казалось, что сама идея и концепция цивилизации и прогресса обнаружила свои слабые стороны. Гораздо более широкое распространение среди интеллигенции получили идеи вечного возвращения (в противовес поступательному развитию) и стихийной варварской силы, противопоставленной цивилизации и необходимой для установления нового миропорядка [2].

Есенин, по свидетельству Л. Карохина, «знал описание Геродота, легенды о скифах, его увлекало „это буйное и статное, и воинственное племя“» [6. С. 40]. Геродот описывает противостояние эллинов и варварских кочевых племен, среди которых особой жестокостью отличались именно скифы, кочевые охотничьи племена. Цикл «маленьких поэм» Есенина отличается романтическим стремлением переделать окружающую действительность, опираясь на стихийные силы революции. Кроме того, название обетованной страны Ионии, как правило, трактуется исследователями как указание на иное место, иную Русь. Однако анализ труда Геродота показывает, что у этого названия, возможно, были и другие истоки. Среди завоеванных скифами владений историк указывает на такую землю, как *Иония*. По его преданию, перед нашествием скифов там проживало племя киммерийцев, впоследствии завоеванных варварами. Особый интерес представляют также те исторические предания, которые живописуют Ионию как страну явно утопическую. Например: «Эти-то Ионяне, которым также принадлежит Панионий, основали свои города, насколько я знаю, в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете. Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией» [10. С. 65].

Радикальные взгляды Есенина вобрали в себя не только идеи «скифства», но и политическую платформу левых эсеров. Как отмечает Я. Леонтьев, Есенин был связан с эсерами через двух близких ему людей — З. Райх и Р. Иванова-Разумника. Первая жена Есенина стала членом партии социалистов-революционеров задолго до революции. Она работала секретарем в эсеровском издании «Дело народа», а также принимала активное участие в работе кружков. Именно в редакции газеты и произошло ее первое знакомство с Есениным. Один из членов союза эсеров И.М. Гронский писал, что революцию он воспринял глубже А. Блока и А. Белого: «Положим, Сергей и политически был активнее их. Поначалу он вступил в партию эсеров, потом порвал с нею и по совету Иванова-Разумника и своей первой жены Зинаиды Райх вошел в партию левых эсеров» [1. С. 225—226].

С данной партией его сближало в первую очередь представление о крестьянстве как основной силе, на которую должны опираться преобразовательные реформы. Об этом писали многие исследователи, в частности Н. Солнцева, Я. Леонтьев, Л. Карохин и др. Однако не только крестьянская идеология, но и представления о стихийном, бунтарском начале, заложенном в революции увлекали Есенина в тот период.

Путь, который предлагали эсеры, ближе всего лежал к философско-религиозному учению, существенно повлиявшему на творчество новокрестьянских поэтов, — голгофскому христианству. Н.М. Солнцева пишет: «Именно философия голгофского христианства максимально впитала в себя все особенности того времени, всю амальгаму мятежности, революционности, идей о необходимости голгофской крови ради светлого будущего. Идей глубоко нравственных, поистине христианских, невысказанных без любви и сострадания к ближнему» [12. С. 47].

Несмотря на то что изначально это течение было основано, как подчеркивает исследователь, на идеях глубоко христианских, многими эсерами концепция икупительной жертвы истолковывалась в нужном им русле. В.А. Карелин писал: «...В то время в рядах лев. С.Р. было настроение, которое М.А. Спиридонова... очень хорошо характеризует как голгофизм — своеобразное жертвенное настроение, принести себя в жертву на алтарь революции... Это характерно для определения романтиков революции, которые думают, что очень много похвал и восхищения вызывают люди, которые для торжества истины идут на самозаклание и распятие на Голгофе» [6. С. 60].

Так, идея оправдания жертвенной крови, необходимой ради преображения, высказывалась Ивановым-Разумником. Он писал, что она прекрасно выражена в поэме Блока «Двенадцать», где «изображены 12 красногвардейцев, которые *совершают убийство*, но, несмотря на это, изображены как “Двенадцать апостолов правды”. Это не кощунство, *это истинно историческое восприятие революции*» [6. С. 257].

В творчестве Есенина противоречивым образом соединились как гуманистические мотивы, например, неприятие Христовых мук в «Инонии» или проникнутая глубоким лиризмом «Анна Снегина», так и откровенно бунтарские и нигилистические строки лирики: «Даже Богу я выщиплю бороду / Оскалом моих зубов» [4. Т. 2. С. 62]; «Ныне ж бури воловьим голосом / Я кричу, сняв с Христа штаны: / Мойте руки свои и волосы / Из лоханки второй луны» [4. Т. 2. С. 63].

В них выражено утопическое ожидание обновления России, ожидаемое преобразование происходит в стихийной смене эсхатологических картин. Это, например, следующие строки: «За уши встряхну я горы, / Кольями вытяну ковыль»; «И вспашу я черные щеки Нив твоих новой сохой» [4. Т. 2. С. 66]. В поэме «Пантократор» мы читаем: «Славь, мой стих, кто ревет и бесится... / Не молиться тебе, а лаяться / Научил ты меня, Господь» [4. Т. 2. С. 73]; «Я кричу тебе: „К черту старое!“, / Непокорный, разбойный сын» [4. Т. 2. С. 73]. В поэме «Сельский Часослов» возникает мотив гибели Руси как необходимого этапа на пути реализации утопии: «Гибни, край мой! / Гибни, Русь моя, / Начертательница / Третьего / Завета» [4. Т. 2. С. 59].

В данной поэме мы находим столкновение двух утопий. Есенин противопоставляет свою Инонию легенде о Граде Китеже:

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог [4. Т. 2. С. 62].

Легенда о Граде Китеже представляет собой повествование о том, как священный Град был погребен на дне озера Светлояр, Град может увидеть только праведный и просветленный человек. Легенда повествует в первую очередь о сохранении духовных ценностей в эпоху исторических катаклизмов. В то же время легенда о скифской утопии скорее направлена на утверждение необходимости стихийных сил в поиске прекрасной земли. Как известно, З. Гиппиус и С. Мережковский, а также М. Пришвин совершали паломничества к озеру Светлояр, и, как мы уже отмечали выше, в своих оценках октябрьской революции они занимали резко негативную позицию. Отсюда следует вывод, что выбор между утопиями Града Китежа и скифской Ионии совершался в непосредственной связи с историческими событиями. Е.В. Хализев в статье «Опыты преодоления утопизма» подчеркивает, что в России в начале XX в. существовала группа мыслителей, которых он называет «русские китежане». М.М. Пришвин, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, С.Н. Булгаков и др. противостояли бездумному, нигилистическому утопизму эпохи «сверхожиданий». Он отмечает, что «деятели русской культуры, о которых идет речь, объединяло бережно-внимательное отношение к историческому прошлому своей страны как почве настоящего и будущего» [14. С. 15], а также, что «в мироотношении, интеллектуальных построениях и жизненной практике русских китежан на первый план выдвигалась тема межличностного общения, устремленного к пониманию и свободному единению» [14. С. 14].

Таким образом, внутренним сюжетом «Инонии» Есенина становится не только абстрактное религиозно-мистическое осмысление революции, но и один из самых напряженных споров внутри интеллигенции эпохи русского ренессанса — оценка насильственных методов революции как исключительно отрицательных либо как необходимых и оправданных высшими целями. Можно сказать, что эсхатологические и утопические настроения, что называется, носились в воздухе. Если необходимость кардинальной перемены действительности, ее утопического преобразования разделялась фактически всеми, то пути его достижения оказались камнем преткновения.

Емкое выражение позиции тех писателей и философов, которые резко осудили насильственные методы «насаждения прекрасного сада», можно найти в дневниках А. Ремизова: «И если так было бы, я не хочу твоего цветущего сада, который насадили окровавленные руки. Последняя Мурка, задушенная в канаве, отравит мне все твои розы. Разговор с Блоком о музыке и как надо идти против себя. Голгофа! Понимаете ли вы, что значит Голгофа? Голгофа свою проливает кровь, а не расстреливает другог<о>» [11. С. 476—477].

Таким образом, мы можем заключить, что рассмотрение «маленьких поэм» в русле политических, философских и исторических утопических идей позволяет выявить истоки образности и многих сквозных мотивов цикла.

Основным для них является утопическая идея «мужичьего рая», вобравшая в себя представления Т. Карлейля об изначальной святости крестьянина, которую он сохранил благодаря его сакральной связи с природой и ежедневному труду ради насущного хлеба. Есенин также пишет о приходе Нового Назарета именно как крестьянского царства.

Утопические идеи славянофильства и представления об «одаренной русской душе», развившиеся Штейнером, легли в основу национальной утопии Есенина. Она является уникальной даже в русле новокрестьянского направления в поэзии и подразумевает реализацию утопии именно на национальной почве, в связи с русским народом, природой и верой. Важнейшей фигурой в ходе реализации этой утопии оказывается Христос, «импульс» которого суждено воспринять России. Именно русскому народу, по мысли Штейнера, предназначена мессианская роль среди других народов.

Способ реализации этой утопии оказывается связанным с движением голгофского христианства, рассматривавшего искупительную жертву Христа как необходимую для обновления действительности. Эти установки широко использовались эсерами, с которыми во время написания «маленьких поэм» был тесно связан Есенин. Именно взаимоотношениями с данной политической группировкой могут быть объяснены нигилистические и бунтарские мотивы цикла.

Напряженный спор внутри революции по поводу отношения к революционным событиям, отразившийся в противопоставлении «скифской» утопии легенде о Граде Китеже, стал внутренним сюжетом «Инонии». Идея стихийного, революционного обновления в противовес поступательному развитию будет связана также с движением «скифства» и легендами о Втором пришествии.

Планетарный масштаб совершающихся событий, соразмерность лирического героя масштабам вселенной и богоборческие мотивы сближают Есенина с философией русского космизма. В его творчестве также отразились идеи Н. Федорова, изложенные в «Философии общего дела».

Все указанные особенности позволяют нам охарактеризовать цикл «маленьких поэм» как утопический, направленный на развитие национальной мистико-крестьянской утопии и отразивший основные философские идеи и внутренние противоречия историко-литературного процесса начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гронский И.М. Из прошлого... Воспоминания. — М.: Известия, 1991.
- [2] Гюнтер Х. Варварско-дионисийское начало в русской культуре начала XX века // Пост-символизм как явление культуры. Вып 2: Материалы международной научной конференции. — М.: Изд-во РГГУ, 1998.
- [3] Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. — М.: Наука: Голос, 1995—2002. — Т. 2.
- [4] Карлейль Т. Крестьянин-святой. — М.: К новой земле, 1912.
- [5] Карлейль Т. Этика жизни. — СПб.: Знамение, 1999.
- [6] Цит. по.: Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. — М.: АИРО-XXI, 2007.
- [7] Михаленко Н.В. Временная характеристика образа Небесного Града в библейских поэмах Есенина // Материалы научн. конф «Вопросы поэтики и проблематики творчества С.А. Есенина (в контексте Есенинской энциклопедии)». — М.: ИМЛИ РАН, 2008.
- [8] Могилева И.И. История и Утопия в лирическом творчестве Сергея Есенина (1913—1918 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. — В. Новгород, 2002.

- [9] *Попов А.А.* Социальная утопия раннего славянофильства: Дисс. ... канд. филос. наук. — М., 1999.
- [10] *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. — М.: Языки славянских культур, 2006.
- [11] *Ремизов А.М.* Дневник 1917—1921 // А.М. Ремизов. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Русская книга, 2000.
- [12] *Солнцева Н.М.* Китежский Павлин. Филологическая проза: Документы. Факты. Версии. — М.: Скифы, 1992.
- [13] *Солнцева Н.М.* Сергей Есенин. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. — 3-е изд. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
- [14] *Хализев В.Е.* Опыты преодоления утопизма (О философии в России 1920—1940 гг.) // Постсимволизм как явление культуры: Материалы международной научной конференции. — М.: Изд-во РГГУ, 1995.
- [15] *Штайнер Р.* О России. Из лекций разных лет. — СПб.: Дамакс, 1997.
- [16] *Яковенко В.М.* Т. Карлейль. Его жизнь и творчество. — СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1891.

THE CYCLE OF “LITTLE POEMS” BY S. ESEIN IN THE CONTEXT OF POLITICAL, HISTORICAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS PROJECTS OF THE XX CENTURY

G.D. Susloparova

Language and literature department
Moscow State University
*Leninskie Gory, MSU, 1-51, 1 Humanities building, Faculty of Philology
Moscow, GSP-1, Russia, 119991*

The article is devoted to the cycle of “little poems” by S. Esenin which were written in the 1917—1918. The Author analyzes Esenin's poems in the large context of different utopian projects of the beginning of the XX century and philosophical works of such authors as R. Steiner and T. Carlyle.

Key words: S. Esenin, Utopia, the cycle of “little poems” by S. Esenin, the scythian movement.